

3 Июня 1894г.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
В. КРЕСТОВСКАГО

(ПСЕВДОНИМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

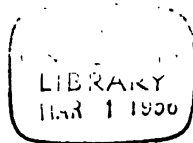
Биографія. — Анна Михайловна. — ПРОВИНЦІЯ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ: I. Свободное время. — II. Кто-жь остался доволенъ? — III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. — Дневникъ сельскаго учителя. — Искушеніе. — Утренній визитъ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1892

Slav 4345.65.21 (1)

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 13

1880-е гг. Фотограф А. Н. Ильбергъ

С.-Петербургъ. Мѣн

Прошло два года со дня кончины сестры моей Надежды Дмитриевны Заюнчковой — В. Крестовскій псевдонимъ. О ней были и газетные отзывы, и воспоминанія, и даже — большая статья въ журналѣ «Русская Мысль». Казалось бы, что ничего не остается сказать, но, къ сожалѣнію, не смотря на то, что нарушаю слово, данное покойной сестрѣ — ничего не говоритъ о ней послѣ ея смерти, я вынуждена, если не говорить всего, то, по крайней мѣрѣ, попытаться выказать въ настоящемъ свѣтѣ многое и собрать въ одно общее эти печальные наброски.

Всѣ появившіеся за послѣдніе два года въ литературѣ отзывы, воспоминанія, письма, стихотворенія наудачу, безъ объясненія обстоятельствъ, безъ малѣйшей подготовки къ нимъ читателя, рисуютъ такую мрачную картину жизни Н. Д., что я считаю своимъ долгомъ дать болѣе вѣрное понятіе о ней, но для этого мнѣ приходится писать не біографію сестры, а краткую хроніку нашей семьи; писать же біографію Н. Д., какъ отдѣльнаго лица, я не могу: каждое мое слово, каждое воспоминаніе о ней тѣсно связано съ воспоминаніемъ о всей семьѣ. Въ моемъ мертвомъ домѣ нѣтъ мѣста для отдѣльныхъ воспоминаній. Каждая комната напоминаетъ своего дорогого покойника. Говоря о сестрѣ, я вновь переживаю все наше общее былое.

Отецъ нашъ, Дмитрій Кесаревичъ Хвощинскій, былъ членомъ очень многолюдной старинной дворянской семьи: ихъ было восемь сестеръ и четыре брата. Въ то время, когда всѣ условія жизни были не требовательны, когда жилось проще, не роскошно, но въ довольствѣ, когда всѣ необходимыя житейскія потребности были баснословно дешевы, когда бабушка наша ѣздила изъ Рязанской губерніи въ Харьковскую въ каретѣ шестерней съ фореятеромъ, горничною, лакеемъ и кучеромъ за четыре рубля ассиг-

націями, — тогда дѣдъ нашъ считался зажиточнымъ помѣщикомъ.

Не смотря на то, что онъ пользовался въ своемъ кругу всеобщимъ уваженіемъ, такъ что сосѣди шли къ нему за разумнымъ совѣтомъ, а крестьяне, кромѣ совѣта, и за медицинскою помощію, онъ, по обычаю того времени, мало обратилъ вниманія на образованіе дочерей своихъ: онѣ едва знали грамоту, но были извѣстныя руководѣльницы и работали все, начиная съ простого суконнаго чулка до самой тонкой вышивки золотомъ. Все вниманіе было обращено на сыновей, а потому отецъ нашъ, чрезвычайно даровитый и талантливый, семнадцати лѣтъ былъ уже артиллерійскимъ офицеромъ, а въ 22 года женился на матери нашей, Юліи Викентьевнѣ Дробышевской-Рубецъ. Женившись и выйдя въ отставку, онъ никогда и нигдѣ не былъ предводителемъ дворянства, а еще менѣе — провіантскимъ чиновникомъ, какъ это гдѣ-то и когда-то говорилось. Съ помощію всей своей семьи и хорошихъ друзей отецъ купилъ имѣніе съ виннымъ заводомъ, дѣлалъ поставку вина и служилъ по коннозаводству. Но недолго пользовался онъ благосостояніемъ: оклеветанный, отданный подъ судъ, онъ 14 лѣтъ томился неизвѣстностью своей судьбы. Имѣніе было продано съ аукціона, въѣздъ въ столицу ему запрещенъ; пришлось переѣхать въ городъ, жить было нечѣмъ. Тутъ опять пришли на помощь друзья, которыхъ у отца было много: ему дали частное занятіе, именно поставку камня на строившееся тогда шоссе отъ Рязани до Москвы. Время шло, семья прибавлялась и жизнь становилась все труднѣе. Наконецъ, благодаря хлопотамъ родного его брата, генераль-лейтенанта Павла Кесаревича Хвощинскаго, бывшаго директоромъ Полонскаго кадетскаго корпуса, отцу дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. До кон-

ца своей жизни онъ безъ волненія не могъ говорить объ этомъ событіи.

Приѣхавъ въ Петербургъ и явившись въ департаментъ, въ которомъ со дня его несчастія измѣнился почти весь составъ служащихъ, отецъ объяснилъ свое дѣло, но былъ такъ взволнованъ разсказомъ всего имъ пережитого, что ему сдѣлалось дурно. Очувшись и видя, какъ сочувственно отнеслись въ нему, онъ, какъ говорилъ впоследствии, въ первый разъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ вздохнулъ свободно. Дѣло его было тутъ же и окончено. Онъ возвратился домой, назначенный на должность уполномоченнаго отъ казны по размежеванію земель въ 1845 г., но состояніе было потеряно и 14 лѣтъ жизни пропали даромъ.

Имѣя въ виду необезпеченность своей семьи и желая поэтому возвратить себѣ что-либо изъ утраченнаго, отецъ поѣхалъ въ октябрь 1856 г. въ Москву, гдѣ видѣлся съ покойнымъ княземъ А. М. Горчаковымъ и, переговоривъ съ нимъ, подалъ докладную записку на высочайшее имя нынѣ въ Божѣ почивающаго императора Александра II съ просьбою о пересмотрѣ его дѣла. Но 1-го ноября того же года, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ своего возвращенія изъ Москвы, онъ умеръ отъ истощенія силъ. Вотъ краткая біографія нашего отца.

О матери нашей почти не упоминается авторомъ статьи въ «Русской Мысли», а гдѣ и говорится о ней, тамъ она рисуется совершенно равнодушной и даже противодѣйствующей литературнымъ занятіямъ моей сестры. Этого никогда не было, да и не могло быть. Источникъ, изъ котораго почерпнуты эти свѣдѣнія, такъ же несправедливъ, какъ и враждебенъ.

Мать наша, Юлія Викентьевна, была рѣдкая женщина. Она воспитывалась съ семилѣтняго возраста въ домѣ своего родного дяди, со стороны матери, Ив. Ив. Рубца. Въ то время, какъ большинство нашихъ русскихъ женщинъ едва знало грамоту, мать наша говорила на иностранныхъ языкахъ, много читала, прекрасно играла на фортепиано, будучи ученицей Штебельта, известности своего времени. Всегда занятая, кроткая, терпѣливая, она, не смотря на то, что выросла въ роскоши и довольствѣ (такъ какъ дядя былъ богачъ), мужественно и безропотно переносила вмѣстѣ съ мужемъ бѣдность, чтобы не сказать, — нищету. Будучи еще молодой женщиной, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій; продавая свои роскошныя вещи, данныя ей въ приданое, она кор-

мила семью и собственноручно обшивала всѣхъ своихъ пятерыхъ дѣтей. Такъ возможно ли, вѣроятно ли, чтобы такая мать, при ея умѣ и развитіи, смотрѣла на талантъ и литературную способность своей дочери, какъ на «нѣчто такое, что у нея можетъ пройти...»

Мать очень хорошо понимала, что таилось въ головѣ и душѣ нашей сестры, которую она боготворила, и если она не поощряла ея первыхъ писательскихъ попытокъ, то вовсе не потому, что не сочувствовала имъ, а потому, что въ то время не только въ провинціи, гдѣ каждый шагъ, каждое слово осуждалось, но и въ столицѣ женщины-писательницы были наперечеть таились подъ псевдонимами и трудъ ихъ считался неприличнымъ, не женскимъ. Въ провинціи же это представлялось даже не безопаснымъ: всякій искалъ въ написанномъ или себя, или знакомыхъ, черезъ что наживались недоброжелатели, которыхъ, благодаря талантамъ моихъ сестеръ, у нихъ было немало.

Личность нашей матери настолько безукоризненно чиста, что сказать о ней, что она примирилась съ литературною дѣятельностью сестры только съ увеличеніемъ гонорара — жестокая клевета. Мать наша только одинъ разъ въ жизни позволила себѣ лично для себя воспользоваться небольшою частью заработка моей сестры. Ей, невыѣзжавшей десятки лѣтъ изъ дома, захотѣлось съѣздить въ Кіевъ (въ складчину съ знакомыми ей монахинями). Поѣздка эта стоила 100 рублей и до самой ея смерти составляла ея отраднѣйшее воспоминаніе.

Авторъ статьи въ «Русской Мысли», затронувъ этотъ вопросъ, забывъ, что не всѣ еще въ семьѣ Н. Д. вымерли, и что слова его, слышанныя отъ кого-то и брошенные на судъ читающей публики, рисуютъ ей лица не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; а для близкихъ, оставшихся въ живыхъ, слова эти не забудутся никогда, потому что легли тяжелымъ камнемъ на душу. Я смѣло пишу это, потому что есть еще не мало свидѣтелей, которые подтвердятъ справедливость моихъ словъ, есть еще люди, хорошо знавшіе нашу мать. Она умерла 26-го мая 1881 года въ той же бѣдности, въ какой и жила до 83 лѣтъ, при чемъ послѣднія 9 лѣтъ своей жизни была слѣпа.

О днѣ и годѣ рожденія сестры моей, Н. Д. Хвоцинской-Заюнчковской, В. Крестовскій псевдонимъ, уже было сказано. Она ро-

дилась 20-го мая 1824 г. при хороших материальных условиях и долгое время была единственным ребенком, впоследствии большой семьи. Не говорю уже о томъ, какъ любили ее отецъ и мать; ее лелѣяла вся семья, начиная съ бабушки, въ честь которой она была названа Надеждой.

Рассказывая о ея дѣтствѣ, мать говорила: «читаешь ей, бывало, вслухъ, а она глядитъ мнѣ въ глаза и видно, что мысленно повторяетъ каждое слово. Вниманіе ея могла только отвлечь моя ручная бѣлка, принесенная мнѣ изъ гнѣзда и которую я воспитала». Надя и бѣлка были неразлучны и большіе друзья: ребенокъ забавлялся ею, помимо книгъ и куколь — всегда героиня Байрона. Трехлѣтней дѣвочкой она уже читала.

Не учивши никогда азбуки, даже въ ея примитивномъ употребленіи, не имѣя никакихъ нынѣшнихъ приспособленій, которыя тогда и во снѣ никому не снились, она читала и писала и даже сочиняла поэмы на разные домашніе случаи. Вотъ почему Н. Д., никогда не признававшая въ себѣ исключительныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ способностей, всегда возставала противъ нынѣшняго способа обученія дѣтей; она говорила: «дѣтямъ дають все готовое... умъ ихъ не работаетъ, воображеніе притупляется».

Забившись въ маленькій библиотечный шкафъ, до сихъ поръ сохранившійся у насъ въ домѣ, она читала все безъ разбору. Ей попадались и мистическія книги, и Дантъ, и Мильтонъ; эта послѣдняя книга была съ картиной — «падшій ангелъ, гонимый сонмомъ ангеловъ», — старинная гравюра. Наглядѣвшись и начитавшись всего этого, она безпокойно спала ночь, бредила. Мать или тетка, живущая постоянно съ нами, уносили ее къ себѣ въ постель, успокаивали и запирали шкафъ.

Когда мать бывала отвлечена хозяйственными заботами при приѣмѣ гостей, которыхъ наѣзжало не мало и которые, по старинному деревенскому обычаю, гостили по нѣскольку дней, Н. Д. въ отсутствіи ея занимала всѣхъ; она всегда находила разговоры, подходившіе къ возрасту и интересамъ cadaго. Ее не стѣснилъ даже приѣмъ архіерея, пріѣхавшаго разъ ревизовать сельскую церковь въ имѣніи отца: старикъ, слушая и благословляя ее, былъ пораженъ ея недѣтскимъ умомъ.

Черезъ четыре года послѣ рожденія Н. Д., и тоже 20-го мая, родилась сестра Софія Дмитриевна. Н. Д., говорятъ, отнеслась очень серьезно къ появленію на свѣтъ сестры. Раз-

сказывали, что когда ее привели посмотрѣть на новорожденную, она съ жалостью и любопытствомъ глядѣла на это бевпомощное существо, потомъ тихо и озабоченно ушла и, заставъ въ уголкѣ гостиной, вынула изъ ридикюля большой носовой платокъ матери, аккуратно разрѣзала его и важно отдала эти лоскутья нянѣ, сказавъ: «возьмите, вотъ пеленки сестрѣ». Послѣ того она часто ходила любоваться ребенкомъ и, дѣйствительно, любила сестру съ самаго момента ея рожденія всюю страстью своей пылкой души.

Несчастіе, постигшее отца, принудило его, какъ я уже говорила, перевезти въ городъ всю свою семью. Н. Д., жившая уже въ это время въ городѣ у бабушки и учившаяся въ частномъ пансіонѣ, должна была его оставить, такъ какъ платить за нее было нечѣмъ и, кромѣ того, выростая, она сдѣлалась болѣзненной: постоянная опухоль губъ и всего лица, а также и головная боль ясно свидѣтельствовали о худосочиі, необходимо требовавшемъ чистаго воздуха и леченія. Воспользоваться всѣмъ этимъ въ скоромъ времени представился очень хорошій случай. Хорошій знакомый и даже другъ нашего отца, д-ръ Адольфъ Фердинандовичъ Магиръ, впоследствии лейбъ-медикъ великой княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, только что пріѣхавшій изъ-за границы и женившійся на пріятельницѣ нашей матери, В. П. Муратовой, поселился въ имѣніи своей жены, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Онъ славился своимъ искусствомъ: къ нему стекались большіе со всей губерніи. Мать отвезла Н. Д. къ нему. Тамъ она была принята, какъ родное дитя, и, находясь подъ постояннымъ надзоромъ доктора, прожила болѣе года на свободѣ, на чистомъ воздухѣ, въ обществѣ замѣчательно образованныхъ людей, читая, занимаясь безъ утомленія, рѣзаясь какъ дитя. Она возвратилась здоровою и съ помощью сестры С. Д. (Весеневъ — псевдонимъ) принялась за обученіе брата и двухъ малолѣтнихъ сестеръ.

Въ отрочествѣ своемъ Н. Д. не имѣла другихъ подругъ, кромѣ сестры С. Д., развлеченій также у нея не было никакихъ.

Живя въ душномъ городѣ, ей негдѣ было наслаждаться природой, которую она такъ любила; единственнымъ мѣстомъ отдохновенія, которымъ почти каждое воскресенье пользовалась вся семья, былъ домъ нашихъ тетокъ, при которомъ былъ большой старый запущенный садъ съ маленькимъ прудомъ. Семейные эти походы были для всѣхъ насъ

*

большою радостью. Тетки насъ очень любили, особенно баловала насъ тетка Анна, больше всѣхъ любившая Надю; всѣ мы ходили за ней хвостомъ: она была хозяйкой въ домѣ и у нея всегда находилось для насъ что нибудь въ запасъ. Здѣсь, переходя отъ одной тетки рукодѣльницы къ другой, Н. Д. научилась многимъ работамъ, которыя очень разлучной съ нею, въ то время, когда меньшая братья ловила въ пруду мнимую рыбу — головастиковъ, онѣ составляли внижку еженедѣльнаго журнала «Звѣздочка». Редакторомъ была Н. Д., сотрудиниками — всѣ мы, ловимые почти всегда врасплохъ. Этотъ еженедѣльный журналъ отдавался отцу: онъ, какъ и всѣ учебныя тетради сестры, сохраняется и теперь.

Такъ шла жизнь Н. Д. до отъѣзда С. Д. въ московскій Екатерининскій институтъ, гдѣ она воспитывалась на счетъ дяди А. П. Хвоцинскаго. Домъ нашъ сразу опустѣлъ, такъ какъ одновременно съ сестрою Софьей мать повезла и брата въ Полоцкій кадетскій корпусъ. Н. Д. страшно затосковала. Кромѣ того, намъ пришлось переѣхать изъ своей квартиры въ домъ тетокъ, такъ какъ въ это время заболѣлъ скарлатиною нашъ крестный братъ и товарищъ нашего родного брата; это былъ сынъ друга нашего отца, сирота, жившій у насъ и воспитывавшійся вмѣстѣ съ нами. Н. Д. занималась со всѣми нами и, кромѣ того, къ намъ ходилъ еще учитель-семинаристъ, получавшій за занятія съ нами три рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ; училъ онъ насъ русскому языку, а мальчиковъ — и латыни. Н. Д. тоже занималась латинскимъ языкомъ и проходила съ учителемъ словесность. Переѣхавъ къ теткамъ на все время нашего карантина, она занялась исключительно рисованіемъ подъ руководствомъ инженера Лебедева, принятаго въ нашей семьѣ по родственному; онъ еще до отъѣзда С. Д. давалъ имъ обѣимъ уроки. Переѣздъ этотъ изъ одного дома въ другой, если не вполне развлекалъ Н. Д., все-таки немного ослаблялъ тоску. Мы, обѣ младшія сестры, еще совсѣмъ дѣти, забавляли всю семью. Для насъ Н. Д. вмѣстѣ съ Лебедевымъ, чрезвычайно веселымъ и остроумнымъ, сочиняла драматическія сцены; въ памяти моей особенно осталась одна — «Тарпея», въ которой я всегда съ большимъ удовольствіемъ бросалась со стола на диванъ, изображавшій Тибръ.

Мать вернулась и, найдя Н. Д. скучающей, отвезла ее черезъ нѣсколько времени

въ Москву къ дядѣ, А. П. Хвоцинскому, гдѣ она и осталась.

Живя въ семьѣ дяди, съ дочерью котораго она была почти ровесница, любимая и обласканная всѣми, она занималась французскимъ языкомъ съ французенкой, жившей у нихъ, итальянскимъ — съ кузиной, только что возвратившейся изъ-заграницы, а также и музыкой, которую страстно любила, но которая, къ сожалѣнію, при глубокомъ пониманіи ея красотъ и вѣрномъ критическомъ взглядѣ, не давалась ей въ техническомъ отношеніи.

Послѣ своего возвращенія изъ Москвы, гдѣ она прожила болѣе года, Н. Д. заболѣла довольно опасно, но, благодаря молодости, скоро оправилась. Ее стали вывозить въ свѣтъ: одна изъ нашихъ тетокъ, всегда жившая съ нами и имѣвшая свои небольшія деньги, дѣлала ей бальныя платья. Сестра танцевала, но не веселилась, хотя и любила веселье: она терялась среди блестящаго шумнаго общества. Умъ ея не годился для бальной залы. Она смотрѣла слишкомъ серьезной и молодежь того времени находила ее «слишкомъ умной».

Лишенная сверстницъ въ своей семьѣ, Н. Д. ужасно обрадовалась пріѣзду подружки, Н. Е. фонъ-Винклеръ, единственной дочери бывшаго сосѣда по имѣнію моихъ тетокъ. Молодые дѣвушки были ровесницы, обѣ — пылкія, восторженныя; онѣ сразу сошлись, искренно полюбили другъ друга и сдѣлались почти неразлучны. Работая за общими пальцами, онѣ задумывали планы разказовъ и повѣстей и въ то же время изоцряли память, заучивая въ нѣсколько минутъ цѣлыя страницы стихотвореній. У Н. Д. была необыкновенная способность импровизировать; ея импровизаціи были почти всѣ юмористическаго характера. Подруга ея, живая, веселая и увлекающаяся, давала ей безконечныя для нихъ темы; ими слагались цѣлыя пѣсни, которыя пѣлись хоромъ. Сама Винклеръ неизобразимо фальшивымъ голосомъ воспѣвала свои похождения. Это была безобидная забава, еще болѣе скрѣплявшая ихъ дружбу. Такъ, напримѣръ, на вражду отца Винклеръ съего сосѣдомъ Рандорфомъ, ссорившихся между собою буквально изъ-за всякаго пустяка, Н. Д. импровизировала цѣлую поэмю въ подражаніе Александройдѣ Свѣчина; называлась она «Рандорфоидъ» и начиналась такъ:

«Пою брань грозну, брань ужасну,
Отъ вѣкъ несмысленную брань
И двухъ бароповъ ежечасу

Къ отпущенію подъяту длань...
 Баронъ Райдорфъ, сосѣдъ кичливый.
 Вассаловъ снарядиши рать,
 Отдалъ приказъ... Невыносимый
 Для чести Винклера сказать» и. т. д.

Вотъ въ этотъ періодъ жизни Надежды Дмитриевны началась ея литературная дѣятельность. Обѣ подруги одновременно стали писать романы по ночамъ, пугаясь своего собственнаго шороха и пряча отъ всѣхъ свои произведенія подъ тюфякъ. Такихъ романовъ Н. Д. написала три, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ печати. Два изъ нихъ носили характеръ романовъ Вальтеръ-Скотта, третій написанъ подъ впечатлѣніемъ прочитанной и переведенной драмы Delavigne «Марино Фальеро».

Тайная дѣятельность подругъ прекратилась на время, по случаю печальнаго событія въ семьѣ нашей. Одна изъ меньшихъ сестеръ Н. Д., одиннадцатилѣтняя дѣвочка, умерла отъ скоротечной чахотки, а подруга, г-жа Винклеръ, заболѣла горячкой. Въ домѣ было грустно: боялись за жизнь молодой дѣвушки. Н. Д., оплакивая сестру, ухаживала за подругой. Наконецъ, поправившись, Н. Е. уѣхала со всей нашей семьей въ деревню къ отцу выросшаго вмѣстѣ съ нами мальчика, Петрова, о которомъ я уже говорила. Тутъ онѣ съ новымъ жаромъ принялись за писательство.

Въ теченіе этого времени въ жизни Н. Д. не было никакихъ выдающихся случаевъ: она шла тихо и ровно. Съ выходомъ же С. Д. изъ института она оживилась, но событіями тоже богата не была: она вся заключалась во внутреннемъ содержаніи.

Институты прежняго времени были со всѣмъ замкнутыя заведенія и С. Д., прожившая тамъ 8 лѣтъ, рѣдко видавшая родныхъ, немѣвшихъ возможности часто ѣздить въ Москву, пріѣхала совершенно незнакомая съ нашею домашнею жизнью. Н. Д. ждала сестру со страхомъ: найдетъ ли она въ ней свою прежнюю Соню? Не наложитъ ли на нее институтъ тѣхъ особенностей, какія онѣ налагалъ на многихъ?..

Ожиданіе сильно волновало ее; волновался и отецъ: выпускъ былъ въ мартѣ; полная ростопель, рѣка и переправа черезъ нее пугали его.

Наконецъ мы дождались мать; она привезла сестру, худенькую, усталую, но чудесную. Это была прежняя Соня: умница, сердечная, сразу понявшая всѣ радости и семейныя невзгоды.

Институтъ ее только выучилъ, но не оту-

чилъ отъ семьи. При выпускѣ она получила первый шифръ.

Несмотря на всю недостаточность средствъ, на бѣдную обстановку, на буквально одну свѣчу, горѣвшую въ залѣ, домъ нашъ никогда не былъ пустъ; онѣ имѣлъ свой особенный складъ, что могутъ подтвердить многіе. Отецъ нашъ былъ любимъ молодежью: ее привлекалъ его живой, веселый характеръ; мать наша, — далекая отъ всякихъ сплетенъ и пересудовъ, держалась просто и съ необыкновеннымъ тактомъ. У насъ чувствовали себя свободно. Пріѣздъ въ домъ молодой хорошенькой дѣвушки, какой была тогда сестра С. Д., вызвалъ еще новыя знакомства, новое оживленіе. Сестры довольно часто выѣзжали; отецъ любилъ видѣть шифръ на плечѣ С. Д. и всегда требовалъ, чтобы она надѣвала его на балы и въ торжественные дни, что очень ее конфузило. Домашняя же жизнь, видимая для постороннихъ, шла тогда для всѣхъ общимъ порядкомъ: сестры работали, рисовали; время тянулось однообразно. Такой складъ жизни, конечно, не могъ удовлетворить пылкую натуру Н. Д. Подруга ея, Винклеръ, бывавшая уже не такъ часто, завела свой собственный романъ, кончившійся замужествомъ, очень несчастнымъ. Настроеніе отца дѣлалось все тревожнѣе: онѣ ждалъ разрѣшенія на свою поѣздку въ Петербургъ; неизвѣстность того, чѣмъ все это кончится, волновала его. Вмѣстѣ съ этимъ совпалъ выпускъ въ офицеры единственнаго нашего брата, Кесаря Дмитриевича, заявившаго желаніе служить на Кавказѣ. Отцу и матери тяжело было отпустить сына такъ далеко, но они не противорѣчили его желанію и мы всѣ, скрѣпя сердце, готовили ему его выпускное приданое: шили бѣлье, вышивали разныя мелочи.

Отъ грустно и печально проведенныхъ дней сестры находили отдохновеніе ночью въ своей комнатѣ. Тутъ невольной молодость брала свое: болтались пустыяки, придумывались цѣлыя исторіи, народы, для которыхъ смерть представлялась въ видѣ старости и т. п.: здѣсь у нихъ сложился свой особый языкъ, своя поэзія...

Такъ прошло два безцвѣтныхъ года, наступилъ 1845, который, какъ я уже говорила, измѣнилъ положеніе отца. Съ этого года Н. Д. сдѣлалась его секретаремъ: она копировала ему планы и вела его канцелярію до конца его жизни.

Въ этомъ же году отецъ, возвратясь изъ Петербурга, привезъ брата. Мы не видали его съ того дня, какъ мать отвезла его въ

корпусъ. Онъ провелъ съ нами свой трехмѣсячный отпускъ и мы вновь разстались до 1852 года. Въ 1852 году онъ прѣѣхалъ раненый; это было его послѣднее свиданіе съ отцомъ. Оставивъ Кавказъ въ 1856 г., онъ вернулся къ намъ уже женатый, но отца онъ не засталъ въ живыхъ: его только что въ этотъ день похоронили.

Н. Д., занимаясь дѣлами отца, продолжала писать стихи. Намъ, сестрамъ ея, очень хотѣлось видѣть хотя одно изъ нихъ въ печати. Я говорю намъ, потому что я всегда была съ ними неразлучна. Всѣ мы всегда занимали одну комнату; я, не смотря на разницу лѣтъ, никогда не была для нихъ лишнею и своимъ живымъ характеромъ вносила свою долю развлечения. М. М. Андреева, дававшая свѣдѣнія о сестрѣ моей и жившая по цѣлымъ недѣлямъ въ нашемъ домѣ, была нашей общей подругой и участницей всѣхъ нашихъ невинныхъ забавъ. Ея указанія, какъ посторонняго лица, могли бы быть гораздо полнѣе и личности наши обрисовались бы яснѣе читателю; мнѣ же, какъ близкому лицу, родному, сдѣлать это гораздо труднѣе: я могу быть заподозрена въ пристрастія или холодности. Возвращаясь къ тому, что всѣмъ намъ хотѣлось видѣть хотя одно стихотвореніе сестры въ печати. Н. Д., написавъ небольшое стихотвореніе, рѣшила послать его въ «Иллюстрацію», но такъ какъ въ то время въ нашемъ домѣ не получалось никакихъ журналовъ, то представлялся немалый трудъ достать хотя какой нибудь номеръ, чтобы узнать адресъ редакціи. Не помню уже какими путями, но мы достали его. Сестра отослала стихи съ подписью «Dans l'espace», прося сказать о нихъ мнѣ. Таинственность, эта насъ очень занимала. Намъ пришлось дожидаться довольно долго, мы теряли уже надежду; наконецъ, дождались и узнали отвѣтъ, которымъ были вполне утѣшены. Однажды отецъ привезъ откуда-то нѣсколько номеровъ «Иллюстраціи», прося сестеръ срисовать изъ нихъ нѣсколько рисунковъ и портретовъ. Улегшись, по обыкновенію, на диванъ, онъ проглядывалъ и перелистывалъ журналъ. — «А вотъ кому-то сказали спасибо», проговорилъ онъ: «Dans l'espace» благодарятъ и просятъ продолжать». Мы переглянулись, но тайны своей не открыли; кажется, это и навсегда осталось тайной, чѣмъ-то такимъ особенно дорогимъ, сбереженнымъ только для себя.

Въ 1847 году, до появленія стихотворенія Н. Д. въ «Литературной Газетѣ» г. Зотова, настроеніе ея дѣлалось, вслѣдствіе

однообразной, ничѣмъ не освѣщенной жизни, все печальнѣе. Когда никто изъ окружающихъ ее, при всей своей любви къ ней, не могъ дать ей ничего новаго, хорошая ея знакомая, Е. П. Головлева, посвященная въ тайну ея литературныхъ занятій, любившая читать ея стихи и всегда возмущавшаяся тѣмъ, что они не видятъ свѣта, предложила сестрѣ послать нѣкоторые изъ нихъ въ Петербургъ ея брату для помѣщенія ихъ въ какомъ нибудь журналѣ. Такъ и сдѣлали, а о томъ, какимъ образомъ ея стихотворенія попали въ печать, Н. Д. рассказывала намъ слѣдующее. Когда братъ г-жи Головлевой получилъ стихи, то, положивъ тетрадь въ пакетъ съ надписью: «Стихотворенія Надѣжды Хвоцинской», отнесъ ихъ въ редакцію «Литературной Газеты». Г-нъ Зотовъ положилъ пакетъ въ число другихъ накопившихся матеріаловъ, а когда ему пришлось составлять № газеты, въ которомъ въ графѣ стиховъ оставалось пустое мѣсто, то ему попался подъ руку пакетъ съ именемъ сестры. Г-нъ Зотовъ, по всей вѣроятности, самъ рассказавшій это Н. Д., взялъ пакетъ и, глядя на него, сказалъ: «посмотримъ, что это за Надѣжда съ ѣ»... Результатомъ этого чтенія были, какъ извѣстно, напечатанные стихи и любезный отзывъ редактора, съ которымъ вслѣдствіи сестра моя вела продолжительную переписку.

1848 годъ, французская республика, ея дѣятели, — все это чрезвычайно интересовало Н. Д. Она особенно любила французовъ, и Викторъ Гюго былъ ея идеаломъ. «Journal roug gite», переполненный портретами дѣятелей того времени и карикатурами на Наполеона III, весь почти былъ перерисованъ моими сестрами. Вся наша семья дѣлилась на партіи: отецъ подзадоривалъ сестру, защищая Наполеона. Завязывались продолжительные споры, въ которыхъ принимали участіе всѣ, а гостившая у насъ въ то время вдова генерала, бывшаго начальника нашего отца, своими неистощимыми рассказами о невѣроятныхъ событіяхъ, въ которыхъ она всегда бывала героиней, послужила вслѣдствіи Н. Д. типомъ въ романѣ: «Кто-жъ остался доволенъ».

Годъ этотъ, тяжелый для всѣхъ, былъ особенно печаленъ для насъ. Въ городѣ свирѣпствовала страшная холера: домъ, въ которомъ мы жили, былъ угловой и главные окна его выходили къ полю, ведущему на кладбище. Мимо насъ почти цѣлый день проносились гроба, то съ мертвецами, то готовые для мертвецовъ: впечатлѣніе было

ужасное, страшно дѣйствовавшее на отца, очень мнительнаго отъ природы. Окна въ домѣ были постоянно закрыты; отъ жара нечѣмъ было дышать; ни одного дождя, ни одной освѣжающей грозы, напротивъ — горячія, сухія, съ страшными вихрями, онѣ усиливали эпидемію. Можно себѣ представить, какъ все это отзывалось на впечатлительной душѣ Н. Д. Только къ осени миновалъ весь этотъ ужасъ.

Послѣ столькихъ тяжелыхъ дней моимъ сестрамъ, вмѣсто отдыха, пришлось вынести не мало неприятностей за ихъ скромное занятіе рисованіемъ, и вотъ по какому поводу. Въ Рязани былъ губернаторомъ П. С. К....., человекъ суровый и мстительный. Смѣняя служащихъ, отдавая ихъ подъ судъ, дѣйствуя по влеченію своихъ инстинктовъ, онъ нажилъ себѣ массу враговъ; его ненавидѣли, на него писались памфлеты, рисовались карикатуры; которыя подбрасывались ему въ экипажъ, появлялись на его столовомъ приборѣ... Раздраженный, онъ началъ искать виновныхъ. Услужливые друзья, не заглядывая далеко, указали ему на нашу семью. Домъ нашъ вдругъ опустѣлъ: за исключеніемъ очень немногихъ знаемыхъ, насъ почти всѣ оставили; сестеръ, выѣзжавшихъ съ матерью и отцомъ въ собраніе, встрѣчали какъ-то холодно, осторожные даже сторонились; семья губернатора, прежде хорошо знаваемая, едва кланялась, самъ губернаторъ хмурился. Отецъ, страшно самолюбивый и горячій, не могъ объяснить себѣ причину такой перемѣны. Помимо крайне нелюбоваго положенія въ обществѣ, страшно было и за едва начавшуюся службу; это ужасно мучило отца. Нервный, нетерпѣливый, онъ постоянно раздражался; тогда старшій его пріятель, знавшій всю эту исторію и молчавшій, потому что боялся вспыльчиваго характера нашего отца и того, что въ пылу онъ могъ повредить себѣ, рѣшился наконецъ осторожно сказать ему, въ чемъ дѣло. Отецъ глубоко оскорбился за сестеръ, и, какъ человекъ прямой, просилъ у губернатора объясненія. Чувствуя, что исторія зашла слишкомъ далеко и что поддерживать клевету, введенную на дочерей, прямо въ глаза отцу — даже опасно, губернаторъ постарался успокоить отца, объясняя все это разными недоразумѣніями и, въ виду всѣхъ, ожидавшихъ у него аудіенціи, онъ, провожая отца до дверей, простился съ нимъ очень любезно.

Конецъ этой исторіи положила Н. Д. Не менѣе горячо оскорбленная, чѣмъ отецъ,

она пріѣхала къ своей пріятельницѣ, Головлевой, жившей гувернанткой въ домѣ, близко знакомомъ съ семьей губернатора, впоследствии даже породнившимся съ ней, и случайно застала тамъ жену губернатора. Н. Д., не входя въ сосѣдную комнату, гдѣ сидѣла г-жа К....., спокойно разговаривала съ Головлевой и на замѣчаніе, сдѣланное ей другомъ дома хозяйки, что нужно войти и поклониться губернаторшѣ, громко во всеуслышаніе отвѣчала: «Для меня все равно, кто бы она ни была. Я не пойду кланяться женщинѣ, которая вѣритъ всякой грязной клеветѣ». Г-жа К....., по свойству добрая и запуганная, слышавшая эти слова и, вѣроятно, въ душѣ не раздѣлявшая злобы своего супруга, вскорѣ же пріѣхала къ намъ съ своими дочерьми... и все пошло попрежнему.

Понятно, что послѣ этого мать боялась грядущихъ гоненій на Н. Д. и за ея литературные труды.

Въ 1850-мъ году имя Н. Д., какъ беллетристки, въ первый разъ появилось въ печати: повѣсть ея «Анна Михайловна» была напечатана въ «Отечествен. Запискахъ», подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Псевдонимъ этотъ, взятый случайно, пришелся сестрѣ по душѣ: то была фамилія маленькаго красиваго мальчика, зачѣмъ-то приходившаго къ намъ въ домъ. Этотъ младенецъ, выросши, превратился въ крупнаго управляющаго имѣніемъ и былъ впоследствии очень несимпатиченъ сестрѣ: «онъ прежде агнецомъ былъ и лoupix'омъ вдругъ сталъ», говаривала она о немъ. Loupix (волкъ) было названіе, которое давала сестра моя всѣмъ, кто ей не нравился.

Н. Д. не только въ молодости, но и въ старости было неприятно, что псевдонимъ ея былъ открытъ. Она сохраняла его вовсе не потому, чтобы боялась — «что скажутъ объ этомъ дяди-генералы и кузины-фрейлины!» какъ это говорится въ статьѣ, о ней напечатанной въ «Русской Мысли». Она, какъ и всѣ, пишущіе подъ псевдонимами, чувствовала себя свободнѣе и никакъ уже не скрывалась въ угоду фамильному родству.

О томъ, какъ была встрѣчена въ литературномъ мірѣ повѣсть Н. Д., я говорить не стану: оцѣнка ея произведеній была не разъ сдѣлана, какъ людьми компетентными, такъ и общественнымъ мнѣніемъ. Я скажу, какъ это первое произведеніе и всѣ послѣдующія были встрѣчены семьей.

Книгу разрѣзала мать. Она, какъ и всѣ мы, принимала въ этомъ сердечное участіе,

что свидѣтельствуеетъ надпись отца, сдѣланная на черновой тетради: «прочтена матерью и сдана въ архивъ»; подъ этой подписью набросана чернилами виньетка такого содержания: мать и мы, сестры, постираемъ руки въ собачкѣ, которая большими глазами самодовольно посматриваетъ на насъ. Собачкой (Boldog) называлъ отецъ Надю; это сдѣлалось ея ласкательнымъ именемъ, она съ удовольствіемъ откликалась на него и, переписываясь съ нами, никогда не подписывалась иначе. Въ поэмахъ, писанныхъ на нашемъ языкѣ, Boldog былъ всегда героемъ. Девизомъ его было: «бѣденъ, но честенъ!» Онъ воспѣвался Н. Д. съ большою любовью.

И такъ, продолжаю: мы собирались всѣ въ кружокъ, мать читала вслухъ. Только она одна не могла смотрѣть въ лицо Н. Д., мы же всѣ не спускали съ нее глазъ: у кого наворачивались слезы, кто улыбался; отецъ покашливалъ — всегдашній признакъ его душевнаго волненія. Н. Д., смущенная, счастливая, оглядывала всѣхъ, какъ виноватая. Перелистывая книгу, пересматривая печатанныя строки, она точно не вѣрила своимъ глазамъ.

Явился гонораръ, очень скромный—25 р. за листъ. Н. Д. получила первый свой заработокъ и неотъемлемое право располагать своею собственностью. Отправившись на почту за полученіемъ денегъ, она долго не возвращалась, что начинало уже возбуждать и любопытство, и безпокойство. Наконецъ громкій звонокъ возвѣстилъ ея пріѣздъ; бросились открывать дверь: Н. Д., усталая, явилась со множествомъ свертковъ въ рукахъ, и съ какимъ-то блаженствомъ въ глазахъ дарила всѣхъ, не забывая никого, до послѣдняго ребенка. Такъ бывало и всегда; она не помнила только о себѣ.

Съ тѣхъ поръ она горячо принялась за свое литературное дѣло; оно занимало ее и не было для нея тяжелымъ трудомъ. Въ домахъ, въ которыхъ намъ приходилось жить, для насъ всегда была отдѣльная комната, иногда, правда, очень тѣсная, но все-таки былъ уголокъ, гдѣ никто не мѣшалъ Н. Д. Всякій, кто видѣлъ объемъ ея черновыхъ тетрадей, можетъ судить о томъ, какъ мало требовалось для нихъ мѣста. Ея маленький письменный столикъ, очень простой, оклеенный черной клеенкой, тотъ самый, за которымъ я пишу эти строки, былъ подаренъ ей отцомъ; онъ помѣщался всегда у окна; подарокъ матери — чернильница, которую сестра особенно любила и никогда не расста-

валась съ ней, и которая, къ сожалѣнію, не находится въ моихъ рукахъ, какъ и очень многое, оставшееся послѣ моей сестры, священное и дорогое мнѣ по воспоминанію. Обстановка была не блестящая, но она была такая же, какъ и во всемъ домѣ: у насъ никогда не бывало, да и теперь нѣтъ никакой роскоши. Вся семья все дѣлила вмѣстѣ, и невзгоды, и неудобства, и недостатки. Н. Д. всегда имѣла право голоса въ домѣ, у нея бывали горячіе споры съ отцомъ, она смѣло отстаивала свое мнѣніе и взгляды, чего мы себѣ не позволяли; споры эти не поселяли раздоровъ, жаръ остывалъ, и отецъ появлялся на порогѣ нашей комнаты съ трубкой или сигарой, спрашивая сестру: «готово чтонибудь?» Это повторялось не одинъ разъ въ день: ему скучно было безъ сестры и хотѣлось отъ нея новенькаго.

Сестра Н. Д. писала явно, сестра же Софія—потихоньку. Работа эта шла особенно усердно въ одномъ изъ занимаемыхъ нами домовъ, гдѣ у насъ было два помѣщенія: одно темное, гдѣ мы спали, отдѣленное аркой отъ другой небольшой, но свѣтлой комнаты. Мы очень любили нашу темную башню. Наши кровати стояли такъ близко одна къ другой, что мы шопотомъ могли говорить, не безпокая никого по сосѣдству. Чего тутъ только не переговорилось и не передумалось!

Въ началѣ 1852 г. господинъ Зотовъ, первый посѣтилъ Н. Д. въ Рязани и познакомился со всей нашей семьей, о которой сочувственно вспоминаетъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Онъ былъ у насъ въ то время, когда мы не теряли еще никого изъ близкихъ, слѣдовательно—видѣлъ весь нашъ семейный складъ, нашу непринужденность и нашу тѣсную родственную связь.

Въ концѣ этого же года, Н. Д. въ первый разъ поѣхала съ отцомъ въ Петербургъ. Поѣздка эта была самая пріятная: знакомство съ Краевскимъ, съ которымъ съ этого времени установились и никогда не измѣнялись ея хорошія отношенія, кружокъ литераторовъ, собиравшійся у него по назначеннымъ днямъ, дружно принявшій Н. Д. въ свою среду,—все это навсегда оставило въ ней самыя лучшія воспоминанія.

Поживъ въ Петербургѣ совершенно новою незнакомою ей до того времени жизнью, сойдясь съ людьми однихъ съ нею интересовъ, повидавъ чудныя произведенія искусства, Эрмитажъ, Академію, наслушавшись пѣвцовъ, славу которыхъ до сихъ поръ за-

тмить не можетъ никто, она, возвратясь въ Рязань, не могла уже найти удовольствія въ обществѣ, живущемъ своимъ обыденнымъ будничнымъ порядкомъ, и потому, отставая отъ него и прежде, она кончила тѣмъ, что почти перестала бывать гдѣ бы то ни было, заскучала, принялась писать, не отрываясь, ходила только къ теткамъ и въ церковь.

Дома у насъ своего тогда еще не было, мы вели кочующую жизнь, перебѣжая съ одной квартиры на другую: едва мы обживались, какъ домъ или продавался, или оказывался настолько неудобнымъ или холоднымъ, что жить въ немъ не было возможности. Такъ продолжалось до 1854 года, когда зимой прѣхалъ къ намъ изъ Москвы дядя, А. П. Хвощинскій. Онъ засталъ отца въ тревогѣ: куда перебѣжать среди зимы, гдѣ искать квартиры, такъ какъ домъ, въ которомъ мы жили, продавался. Дядя, замѣчательно добрый, всегда готовый помочь, разомъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ купилъ домъ, тотъ самый, въ которомъ мы всѣ жили вмѣстѣ и въ которомъ мнѣ пришлось теперь доживать одной.

Время было тяжелое—Крымская война. Ополчалась вся Россія. Ополченскія рати проходили одна за другою. Отецъ, служба по тремъ уѣздамъ, имѣлъ много знакомыхъ, поступившихъ на службу; всѣ они заходили къ намъ, прощались со всѣми на смерть. Трудно повѣрить, какъ тяжело переносила это Н. Д.: она горько плакала, представляя себѣ всѣ ужасы войны. Нужно было видѣть, какъ она была счастлива, когда былъ заключенъ миръ. Такъ какъ тогда въ Рязани не было ни телеграфа, ни желѣзной дороги и всякое извѣстie получалось частными людьми поздно, а зналъ его прежде всѣхъ губернаторъ, то мы, хорошо знакомые съ семьей бывшаго тогда рязанскаго губернатора Н..... Богъ знаетъ, какъ обрадовались, когда жена его, бывавшая у насъ чуть ли не каждый день, прѣехала къ намъ и съ порога прихожей закричала: «Надюшка! Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» Надя бросилась ей на шею и со слезами обнимала ее.

Стали дожидаться войскъ, ополченцевъ. Изъ родныхъ нашихъ никого не было на войнѣ, такъ какъ братъ служилъ на Кавказѣ, но знакомыхъ и мы много недосчитывались, въ домѣ же у насъ былъ замѣчательный случай; Н. Д. хорошо его помнила и не могла говорить о немъ равнодушно.

Ждали возвращенія рязанскаго ополченія; оно особенно потерѣло: изъ него не возвратилось и половины. Надя, часто ходившая къ теткамъ, которыя продали свой домъ и жи-

ли у насъ во флигелѣ, была однажды у нихъ. Куря свою сигару, она ходила вдоль комнаты, по обыкновенію, что-то имъ рассказывая; замѣтивъ, что что-то заслонило ей свѣтъ изъ открытаго окна, она оглянулась и увидѣла старуху, крестьянскую бабу, худую, блѣдную, которая съ улицы, облокотившись на окно, пристально смотрѣла во внутрь комнаты. Сестра остановилась, къ ней подошла тетка Анна.

Старуха, молча и не перемѣняя положенія, смотрѣла на нихъ потухшими глазами.

— Тебѣ что нужно, бабушка? спросила тетка.

— Я избу заперла: Аеоноу взяли, а другою утонулъ... Что мнѣ въ избѣ-то дѣлать? Она-то себѣ стоитъ, да стоитъ одна... Аео-ния далеко—далеко, на войнѣ въ ополченіи... Зачѣмъ мнѣ теперь изба?

Она говорила скоро, задыхаясь, какъ безумная. Надя схватила ее за руки и, возбужденная ея волненіемъ, вскричала.

— Какъ же, бабушка, зачѣмъ изба: вѣдь ополченцевъ-то ждутъ, вѣдь и Аео-ния придетъ...

— Придетъ?!..

Старуха оживилась, глаза ея загорѣлись, она всплеснула руками.

— Чернобровка! сказала она, глядя на сестру,—ты говоришь,—онъ придетъ?

Сестра испугалась этого безумнаго оживленія, но было уже поздно отнимать у нея надежду. Тетки собрались къ окну; всѣ онѣ были очень набожны, а потому тронуты до слезъ.

— Тебя какъ зовутъ?

— Авдотья.

— Молись Богу, Авдотьюшка, говорила одна изъ нихъ, особенно всѣми уважаемая,—Богъ материнскую молитву услышитъ; въ тоску не впадай: это великій грѣхъ; надѣйся на милосердіе Божіе.

Старуха молчала, глаза ея потухли, голова тряслась.

— А въ избу я не пойду, не пойду, сказала она, покачавъ головой, и, отвернувшись отъ окна, глядѣла вдоль улицы. Видно было, что ей все равно, куда бы не идти, только не въ родной уголъ, гдѣ у ней никого не осталось.

— Бабушка, иди къ намъ! сказала тетка Анна, мѣсто есть, отдохнешь, поѣшь и Аео-ноу дождешься.

Старуха безпрекословно повиновалась: вошла въ комнату молча, перецѣловала всѣхъ тетокъ, взяла Надю обѣими руками за голову, поцѣловала ее въ глаза, поглади-

ла по головѣ и, улыбнувшись своими сухими горячими губами, сказала:

— Чернобровка! и правду ты говоришь, Аэоня придетъ?.. О ты, моя родименькая! прибавила она, лаская сестру.

Сестра горячо обняла ее, всѣ всплакнули, у всѣхъ явилась надежда, что такая скорбь, такое непритворное горе найдеть утѣшеніе у Бога.

Старуха освоилась у насъ, часто ходила изъ флигеля къ намъ въ домъ, каждый день отправлялась къ ранней обѣднѣ и подолгу не возвращалась: гдѣ она бывала и куда ходила изъ церкви, она никому не говорила; она то волновалась, то впадала въ уныніе и тоску. Тетки наблюдали за ней и, не отнимая у нея надежды, твердили объ упованіи на Бога и поворности волѣ Его.

Однажды, наконецъ, пропадавъ цѣлый день неизвѣстно гдѣ и возвратясь поздно вечеромъ домой, она, входя въ комнату, сказала съ полною увѣренностью:

— Чернобровка! Аэоня-то вѣдь завтра придетъ... Мнѣ солдатики сказали, къ полднямъ всѣ придуть... имъ недалече отдыхъ былъ. Ты, родимая Анна, въ махоточку (чашку) мнѣ творожку положи, да лепешечекъ испеки... я завтра пойду на каменку (шоссе), пораньше сяду тамъ, да и дождусь его.

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то страшно за эту увѣренность, никто не зналъ, что сказать ей, всякій изъ насъ невольно подумалъ: «а что, если она его не встрѣтитъ?!..» Всѣ какъ-то примолкли. Старуха не замѣтила общаго смущенія; а такъ какъ она была очень утомлена, то, положивъ три глубокихъ земныхъ поклона, молясь своими словами и поминая имя сына, она легла и спокойно заснула.

Вставъ рано утромъ, она торопила тетку Анну готовить гостинцы сыну. Тетка наша, всегда словоохотливая и шутивая, какъ-то оробѣла передъ этимъ спокойствіемъ и увѣренностью. Старуха бодро и весело собиралась; она шла на встрѣчу сыну, какъ на праздникъ, не думая, что вмѣсто радости ее могло бы встрѣтить горе, котораго она не перенесла бы. Всѣ мы, конечно, были въ напряженномъ состояніи.

Городъ былъ весь на ногахъ, толпы народа валили къ заставѣ встрѣчать ратниковъ; въ домъ у насъ и у тетокъ не осталось ни одной прислуги: всѣ побѣжали узнать, что съ Авдотьей... Никакое занятіе, никакая работа никому не шла на умъ. День былъ вмѣстѣ и радостный, и печальный: такія же слезы лились при встрѣчѣ, какъ и на проходахъ.

Насъ, слава Богу, не ждало горе: наша Авдотья, окруженная всею нашею прислугою, вела своего Аэоню. Она помолодѣла на цѣлые десятки лѣтъ; горячо обнимая всѣхъ и любясь сыномъ, она не забывала и свою любимицу Надю, чернобровку-пророчицу.

Водворившись опять у себя и женивъ сына, она часто навѣщала насъ. Фотографическій ея портретъ, снятый въ счастливые дни ея жизни, и теперь въ альбомѣ моей покойной тетки.

До 1856 г., т. е. до смерти нашего отца, жизнь наша и Н. Д. шла вышеописаннымъ уже мною порядкомъ: Н. Д. занималась дѣлами отца, писала, рисовала, работала и скучала отъ недостатка необходимаго ей общества. «Мы всѣ звонимъ въ одни колокола», говаривала она, «но кто мнѣ скажетъ, насколько хорошо то, что я пишу?» Сама она никогда не бывала довольна написаннымъ и изъ всѣхъ своихъ произведеній выше всего цѣнила «Встрѣчу».

Семейство наше въ это время увеличилось еще однимъ членомъ. Братъ нашъ, женившись на Кавказѣ въ 1853-мъ году, въ 1854-мъ, боясь всякихъ смуть и необходимости идти въ экспедицію, отправилъ жену свою съ ребенкомъ къ намъ въ Рязань. Но пріѣздъ новаго лица не оживилъ жизни Н. Д. Невѣстка была очень милая молодая женщина, но совершенно чуждая ея интересамъ, а присутствіе ребенка въ домѣ, въ которомъ такъ давно отвыкли отъ дѣтей, нарушало заведенный порядокъ, что дѣлало сестру еще нетерпѣливѣе.

Ребенокъ едва ползалъ, дѣдъ не спускалъ его съ рукъ, бабушка, взявши его въ свою комнату, не спала почти цѣлыя ночи, забавляя его. Все это дѣлалось неумѣло и вызывало неудовольствіе. Все это непріятно отзывалось на Н. Д., и то, что намъ казалось подчасъ только скучнымъ, было для нея, горячей, нетерпѣливой, стремящейся вырваться изъ этой обыденной жизни — просто невыносимо. Только одна сестра С. Д., имѣвшая на нее громадное влияніе, сдерживала ея порывы, успокаивала ея тоску; при ней Пламень — плашме, какъ впоследствии названа была Н. Д. въ своей семьѣ, утихалъ и благодушно принимался за работу.

Перваго ноября 1856 года умеръ отецъ. Вся наша семья была въ раздумьи: остаться ли въ Рязани, или переселиться въ Петербургъ? С. Д., какъ первая шиферница, имѣла право на полученіе казеннаго мѣста, а также и на открытіе частнаго пансіона; не будучи

увѣрена въ успѣхъ своихъ литературныхъ трудовъ, нигдѣ еще не появлявшихся въ печати, сомнѣваясь въ томъ, могутъ ли они быть прочнымъ обезпеченіемъ будущаго, она колебалась и почти рѣшалась принять предлагаемое ей мѣсто начальницы Самарской гимназіи. Н. Д., всегда имѣвшая право перваго голоса въ семьѣ, не смотря на полную готовность матери и всѣхъ насъ уѣхать изъ Рязани, къ которой насъ ничто особенно не привязывало, рѣшила иначе. Сестру Софью она убѣдила заняться исключительно литературой, дома своего не оставлять и жить въ Рязани. Такое устройство жизни оказалось внослѣдствіи страшной, непоправимой ошибкой: взявъ на себя все бремя труда, Н. Д. связала себя и лишила другихъ возможности помогать ей. Рязань даже и теперь даетъ очень мало поприща для какой либо общественной дѣятельности, а 35 лѣтъ тому назадъ о ней и не говорилось и для женскаго труда не было мѣста. Въ то время всѣ мы были малы и, начиная съ матери, пятидесятилѣтней здоровой, трудолюбивой женщины, — не лишены способности приложить руки къ какому либо дѣлу. Это была первая ошибка и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Въ то время она не чувствовала и не отражалась такъ сильно, потому что въ общественной жизни подготавливалось много новаго: до провинціи доходили слухи о предстоящихъ реформахъ, слѣдовательно жизнь была не такъ пуста и однообразна, былъ интересъ, волновавшій общество.

Послѣ смерти отца сестры почти ежегодно ѣздили въ Петербургъ. Живя по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ Знаменской гостиницѣ, онѣ принимали у себя весь свой знакомый кружокъ литераторовъ и другихъ лицъ; не одинъ только литературный міръ завлекалъ моихъ сестеръ, для нихъ не былъ чуждъ и міръ искусствъ. Президентъ Академіи, графъ Толстой, и семья его дружески относились къ нимъ: двери Академіи и Эрмитажа были имъ открыты; онѣ много рисовали. Прекрасныя ихъ копіи акварелью и теперь висятъ на стѣнахъ нашего дома. Въ 1858 году, когда покойный А. А. Ивановъ привезъ свою картину «Явленіе Христа народу», сестры мои постоянно бывали съ нимъ въ Академіи, гдѣ она была выставлена. Въ этотъ короткій промежутокъ его жизни въ Петербургѣ онѣ часто бывали у нихъ, а онѣ во время его скоротечной болѣзни ежедневно навѣщали его въ домъ Боткина, гдѣ онъ и скончался. Сестра С. Д. уже послѣ его смерти написала на память его портретъ, куплен-

ный Кокоревымъ, а потомъ приобретенный М. П. Погодинымъ.

Частыя поѣздки сестеръ въ Петербургъ все болѣе и болѣе скрѣпляли ихъ дружбу съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ». Переписка съ Краевскимъ и Дудышкинымъ сдѣлалась почти постоянной и въ ней были не одни только денежные счеты; если бы она стояла только на одной этой почвѣ, то, конечно, Н. Д. и не поддерживала бы ее: всѣмъ извѣстно, какъ мало придавала она значенія деньгамъ и какъ безспорно принимала всѣ условія, предлагаемыя ей. О разсчетливости Краевского говорилось уже съ давнихъ временъ и сестра моя не составляла исключенія изъ общаго его правила въ этомъ отношеніи. Н. Д. любила «Отеч. Зап.», ихъ направленіе, любила Краевского, его всегда живой и интересный разговоръ, его семью, въ которой чувствовала себя своей. Она всегда горячо вступалась за Краевского и не любила, когда касались его счетовъ съ нею. Тутъ, какъ и во всѣхъ ея привязанностяхъ, главную роль игралъ ея личный взглядъ.

Въ 1859 году Н. Д. оставалась до осени въ Рязани одна съ матерью. Я была въ Симбирской губерніи, а Н. Д., проводивъ весною С. Д. изъ Петербурга за границу, пробыла въ немъ недолго одна и, возвратившись въ Рязань, начала писать «Встрѣчу». Типомъ для веселой, милой дѣвочки, младшей сестры поэтессы, въ этомъ романѣ послужила наша дальняя родственница, только что вышедшая изъ пансіона, спрота, жившая у нашихъ тетокъ и которую Н. Д. особенно любила. Умная и развитая не по годамъ, она съ своей стороны безгранично привязалась къ Н. Д. Она была ея совѣстью: ни одной мысли, ни одного впечатлѣнія, сомнѣнія, котораго бы она не передавала ей и слово Н. Д. было для нея свято... И теперь, не смотря на горечь многихъ разочарованій, привязанность эта не остыла и теперь для этой уже состарѣвшейся женщины, пережившей много семейныхъ заботъ и тревогъ, Н. Д. не умирала. Отрѣшаясь отъ житейскихъ мелочей, она глядитъ на ея портретъ, мысленно говоритъ съ ней и въ мертвомъ полотнѣ видитъ ея живой образъ... Этимъ-то, тогда молодая дѣвочка, почти ребенокъ, строила вмѣстѣ съ Н. Д. планъ «Встрѣчи»: многія сцены проходили у нихъ даже въ лицахъ; сестра не скучала, была здорова и бодра. Отрвавшись отъ «Встрѣчи», она садилась за рояль и все съ той же своей любимицей играла Моцарта, котораго особенно любила.

Многіе теперь еще помнятъ и могутъ раз-

сказать о жизни моихъ сестеръ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ и о томъ впечатлѣніи, которое онѣ производили. Вотъ почему, читая въ газетѣ «Новости» воспоминанія г-на Б..... о моихъ сестрахъ, относящихся именно къ этому періоду времени, я, признаюсь откровенно, не узнала ихъ въ этомъ разказѣ, тѣмъ болѣе, что объ этой встрѣчѣ господина Б..... съ ними я знала тогда же и очень подробно.

Позволяю себѣ замѣтить, что г-нъ Б....., передавая свое воспоминаніе о нихъ, положилъ на него свой присущій ему колоритъ. Тому прошло 27 лѣтъ и, можетъ быть, память измѣнила г-ну Б....., бывшему тогда редакторомъ журнала «Библиотеки для Чтенія».

Петербургъ въ 1863 г. былъ не новостью для моихъ сестеръ: онѣ уже не разъ бывали въ немъ и всякій разъ жилали подолгу. Въ своемъ тѣсненькомъ и маленькомъ номерѣ Знаменской гостиницы онѣ принимали весь свой большой кругъ знакомыхъ, искренно ихъ любившихъ и дорожившихъ ихъ расположеніемъ. Онѣ не давали вечеровъ, потому что для этого нужны были средства, которыхъ онѣ не имѣли, но у нихъ собирався по вечерамъ и за дружнымъ простымъ чайнымъ столомъ не замѣчалась бѣдность обстановки. Бесѣды длились за полночь и о нихъ и теперь еще помнить. Среди этого разнообразнаго кружка Тургеневъ былъ имъ менѣе всѣхъ симпатиченъ, что Н. Д. и высказывала, нисколько не стѣняясь, зная, что многіе считали ея мнѣніе о Т. за затаенную зависть. Что же касается Щербины, то взгляды г-на Б..... на его отношенія къ моимъ сестрамъ положительно невѣренъ. Щербина глубоко уважалъ моихъ сестеръ и я навѣрное могу сказать, судя по его письмамъ и тому дружескому и короткому знакомству, которое онѣ поддерживалъ и внѣ Петербурга, бывая у насъ въ Рязани, что онѣ были очень далеки отъ того, чтобы считать ихъ ниже себя, а ихъ разговоры—за бабьи толки. Мои сестры были, быть можетъ, единственными, которыхъ не коснулась злая насмѣшка Щербины.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ нашемъ домѣ бывало много учащейся молодежи; всѣ они очень любили и уважали Н. Д., не смотря на то, что она не всегда глядела ихъ по головкѣ: въ пылу ихъ жаркихъ споровъ съ ней ей приходилось, какъ она говорила, задвигаться отъ нихъ стуломъ, и все-таки это никогда не мѣшало ей высказывать свое мнѣніе. Вотъ эта-то правдивость вмѣстѣ съ за-

мѣчательною способностью выражаться ясно и краснорѣчиво, и отсутствіе педантизма и всего неестественнаго и ложнаго привязывали къ Н. Д. неотразимой силой. Чуждая всякой лжи и притворства, она вѣрила всѣмъ безусловно. Поймать ее, какъ существо, крайне довѣрчивое и деликатное, было легко; но, слава Богу, никто изъ ея друзей не пользовался тогда этою ея слабостью. Всѣмъ была дорога ея дружба; къ ней шли поговорить, послушать и поучиться; знакомства съ ней искали, и друзья ея, любившіе ее искренно, гордились ея извѣстностью. Она жила для всѣхъ; ея любящее сердце дѣлилось со всѣми.

Шестидесятые года и крестьянская реформа внесли въ провинцію новое вѣяніе. Борьба старыхъ началъ съ новыми выражалась въ рѣзкихъ и забавныхъ формахъ. Въ нашемъ домѣ бывали почти всѣ члены Комитета. Н. Д. была постоянно на слуху всего, что дѣлалось. Краевскій, издававшій «Голосъ» и просившій какъ ея участія въ газетѣ, такъ и сотрудничества знакомыхъ ей лицъ, имѣлъ корреспондентовъ и изъ Рязани. Ему были доставлены очень интересныя статьи, которыми онѣ, однако, не могъ воспользоваться. Каждый вечеръ собирався у насъ кружокъ близкихъ знакомыхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу: шли очень оживленные бесѣды очень серьезнаго содержания, слышался иногда и заразительный смѣхъ.

Къ концу 1863 года все общество наше раздѣхалось: всѣ члены его послѣдовали за Н. А. Милютинимъ въ Царство Польское. Конечно, въ домѣ настала тишина и пустота, обусловившія грустныя и тоскливыя письма сестеръ, приведенныя въ статьѣ, напечатанной въ «Русской Мысли». Пріятельницы моихъ сестеръ, вѣроятно, имѣли въ рукахъ не одни только эти душу раздирающія строки и, разъ нарушивъ волю покойной Н. Д. не давать послѣ ея смерти никому въ руки ея писемъ, могли бы передать автору статьи свѣдѣнія, изъ которыхъ читатель могъ бы видѣть, что не вся жизнь Н. Д. слагалась изъ однихъ печалей и скорбей. Истинность этихъ писемъ доказываетъ близость ея съ особами, которыхъ именъ я не знаю, но я вполне увѣрена, что на долю ихъ выпадало и веселье, которымъ въ былыя времена Н. Д. умѣла оживлять всѣхъ окружающихъ. Письма ея были, какъ и разговоръ ея, такъ же живы и интересны. Настоящіе же печальные годы дѣйствительно приближались. Весною 1864 г. братъ нашъ оловѣлъ и привезъ къ намъ своихъ двоихъ

дѣтей, а осенью того же года женился вторично. Дѣти остались у насъ; старшій, 10-тилѣтній, отданъ былъ на казенный счетъ въ пансіонъ при гимназій, меньшому было только 5 лѣтъ. Прїѣздъ ихъ не вызвалъ усиленнаго труда сестеръ: старшій ни въ чемъ не нуждался, а если и получалъ въ субботу копѣекъ по 30 или 40 на булки, въ дополненіе къ очень скудному казенному обѣду, то расходы эти покрывались деньгами, присылаемыми братомъ. Не эти заботы и печали, присущія всѣмъ семейнымъ людямъ, тревожили насъ: пугало здоровье С. Д., сильно расстроенное. Заболѣвъ катарромъ желудка, на который вначалѣ не обратила должнаго вниманія, она правильно не лечилась, а между тѣмъ болѣзнь все усиливалась. Употребляя всевозможныя домашнія средства, не помогавшія, а еще болѣе усложнявшія болѣзнь, она постепенно, чтобы не вызывать болѣе въ желудкѣ, лишала себя той, то другой пищи. Бывали дни страшныхъ страданій, которыя она переносила съ ангельскимъ терпѣніемъ. Наконецъ наступилъ роковой 1865-й годъ. С. Д. согласилась лечиться только за мѣсяць до своей смерти, когда было уже поздно: 5-го августа она умерла.

Съ ея смертью распалась и наша семейная жизнь: она была связующимъ звеномъ. Съ ея смертью стало ясно, насколько Н. Д. нуждалась въ такой нравственной поддержкѣ. Сила воли и характера Н. Д. оказались гораздо слабѣе, чѣмъ того можно было ожидать. Потерявъ сестру, самаго дорогого для нея человѣка въ свѣтѣ, она не могла примириться съ своимъ нравственнымъ одиночествомъ: она стала искать новыхъ привязанностей, думая передать имъ все, чѣмъ жила ея душа; на избранныхъ своихъ она глядѣла сквозь свою собственную призму и видѣла въ нихъ то, чего ей хотѣлось: она жила самообманомъ. Невѣроятно, чтобы при ея знаніи человѣческаго сердца и при замѣчательномъ анализѣ, она внутренне не сознавала, что всѣ поиски ея и старанія замѣнить потерянное— тщетны. Она была глубоко несчастна.

Въ сентябрѣ того же 1865 года она вышла замужъ за Заіончковскаго. Изъ числа молодежи-студентовъ, бывавшихъ у насъ въ то время, Ив. Ив. Заіончковскій былъ менѣе всѣхъ знакомъ Н. Д.: я не ошибусь, если скажу, что онъ и десяти разъ не былъ у насъ въ домѣ. Господинъ Зотовъ, говоря въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», о томъ, что Н. Д. вы-

шла замужъ по просьбѣ умирающей сестры, очень ошибается. Покойная сестра моя Софья знала Заіончковскаго еще менѣе, чѣмъ кто либо. Во время ея предсмертныхъ мукъ, продолжавшихся три дня, его совершенно случайно привелъ къ намъ, какъ медика, нашъ хорошій другъ, въ надеждѣ, что онъ найдетъ средство облегчить ея страданія. Въ томъ состояніи, въ которомъ находилась тогда С. Д., она уже ничего не могла завѣщать. Похоронивъ сестру, Н. Д. заболѣла сама; Заіончковскій лечилъ ее и цѣлые дни проводилъ съ нею. У него тоже было не мало горя въ жизни: оно сблизило ихъ, и они повѣнчались.

Авторъ статьи о Н. Д., напечатанной въ «Русской Мысли», очень свободно коснулся этой печальной стороны ея жизни. Воспользовавшись интимными ея письмами къ мужу, неизвѣстно какимъ образомъ очутившимися въ рукахъ посторонняго лица, онъ напечаталъ ихъ, позабывъ еще разъ, что есть еще живой человѣкъ, близкій Н. Д., для котораго не легко оглашеніе ея сердечныхъ мукъ, которыя она таила ото всѣхъ. Эти вырванные письма для постороннихъ лицъ ничего не объясняютъ: всякій можетъ комментировать ихъ, какъ ему вдумается, а для близкихъ, повторяю, подобная нескромность не можетъ не быть крайне неприятной.

Если литераторъ дѣлается послѣ смерти своей достояніемъ общества и говорить о немъ запрещено никто не имѣетъ права, все-таки я думаю, что онъ имѣетъ право унести съ собою въ могилу то, что лично касалось его, какъ человѣка. Уважая память моей сестры и зная, какъ она была всегда противъ всякой посмертной гласности, я по необходимости пишу только то, что она сама дозволила бы мнѣ. Завѣщая всѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ не выдавать ея переписки и ничего не говорить о ней, она очень хорошо знала, какъ невыгодно для нея могутъ всѣмъ этимъ воспользоваться.

Въ октябрѣ 1865 года Н. Д. уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Насколько счастливо жилось ей тамъ,—судить очень трудно по тѣмъ разнообразнымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до меня. Проводивъ мужа на кумысъ въ Самару, она въ августѣ 1867 года съ радостью вернулась въ Рязань, гдѣ мы прожили съ нею по старому до возвращенія Ивана Ивановича.

Не считая себя въ правѣ и находя излишнимъ объяснять или прибавлять что-либо къ статьѣ г-на С..... о взаимныхъ супруже-

скихъ отношеніяхъ моей сестры съ ея мужемъ, я заканчиваю этотъ періодъ ея жизни, не прикасаясь къ тому, «что спитъ въ сырыхъ могилахъ, чего мы воротить не въ силахъ».

Съ 1865 по 1868 годъ Н. Д. написала только одну повѣсть: «Два памятные дня» Чернову тетрадь этой повѣсти я буквально выхватила изъ огня. Н. Д. настолько была измучена нравственно и физически, что работать положительно не могла. Въ теченіе этого времени мнѣ два раза представлялась возможность занять очень хорошія мѣста, которыя вполне могли бы обезпечить меня и мать, но сестра была противъ этого и я уступила ея просьбамъ.

Въ 1867 году Н. Д. перенесла тяжелую болѣзнь — пятнистый тифъ; мужъ ея объявилъ мнѣ, что онъ не надѣется на ея выздоровленіе. Пригласивъ другого доктора, день и ночь не оставляя ее, я, можно сказать, выходила ее. Переломъ болѣзни совершился только на 21-й день. Во время бреда она диктовала мнѣ письма, которыя я, тоже въ не нормальномъ состояніи, писала и отсылала по адресу къ Краевскому и другимъ. Эти письма были настолько логичны, что нельзя было предполагать, чтобы они писались въ горячечномъ бреду.

Въ 1868 году, проведивъ мужа въ маѣ за границу, Н. Д. задумала планъ, о которомъ писала пріятельницѣ; письмо это помѣщено въ статьѣ г-на С. Чтобы объяснить всю трудность и слѣпшность трудовъ сестры за это время, мнѣ приходится сказать, въ чемъ состоялъ ея планъ, который она поручила мнѣ исполнить. Дѣло было вотъ въ чемъ: домъ нашъ былъ старъ, а мы не имѣли возможности поправить его; онъ весь приходилъ въ упадокъ: крыша текла, потолки обваливались. Н. Д. поручила мнѣ поѣхать въ Москву къ роднымъ просить ихъ помочь намъ.

Родные дали намъ денегъ, но такъ какъ эта сумма была взята изъ капитала, процентами съ котораго пользовались наши тетки, то и мы, взявши половину изъ него, должны были уплачивать имъ тоже половину процентовъ; кромѣ того, деньги были въ билетахъ, такъ что при размѣнѣ мы много потеряли. Начавъ капитальную постройку флигеля и надворныхъ строеній, мы увидали, что денегъ этихъ не хватало: они шли и на жизнь, и на покупку матеріала. Такъ какъ съ 1865 года сестра ничего не работала, то пришлось жить за это время займомъ, а впоследствии — уплачивать долги. Пока сестра съ мужемъ жила въ Петербургѣ, мы съ матерью занимали

только двѣ комнаты въ домѣ, отдавая остальные въ наймы; когда же Н. Д. возвратилась, то такъ жить было уже невозможно. Вотъ причина, почему она такъ усиленно работала: приходилось платить во все концы и кромѣ того посылать за границу. Весь этотъ непосильный трудъ она, конечно, несла, имѣя въ виду наше спокойствіе, но спокойствіе это было фиктивное. Какъ мать, такъ и я, мы говорили о продажѣ дома, для которой тогда представлялся очень выгодный случай. Я же съ своей стороны настолько всегда хотѣла этого, въ виду срочныхъ платежей, вызывавшихъ массу заботъ и бесполезныхъ затратъ, что возбуждала тѣмъ неудовольствіе сестры. Считаая этотъ домъ своей святыней, она между тѣмъ съ 1881 года не жила уже въ немъ, а бывала только гостьей.

Въ 1872 году Н. Д. овдовѣла. Проживши въ теченіе своего семилѣтняго замужества всего два года вмѣстѣ съ мужемъ, она довольно спокойно перенесла его потерю; замѣнить ей ее было легче, чѣмъ потерю сестры. Разбитая, надорванная жизнью, она строго не разбирала при выборѣ людей и печальную дѣйствительность дополняла своимъ воображеніемъ; такъ это было и съ этимъ бѣднымъ полуграмотнымъ ребенкомъ — Соней, которую она идеализировала. Дѣвочка, прежде никогда не замѣчаемая, сдѣлалась вдругъ любимицей; на нее, какъ на новую почву, Н. Д. сѣяла сѣмена, развивала ее, рассказывала ей и вполне была убѣждена, что понята. Никто не выводилъ ее изъ этого заблужденія.

Въ 1873 году совершенно неожиданно умеръ братъ нашъ отъ разрыва сердца; онъ служилъ тогда въ гор. Тулѣ, старшій сынъ былъ съ нимъ, а младшій — учился въ Москвѣ. Это новое горе и по своей неожиданности, и по семейнымъ обстоятельствамъ, было чуть ли не самое тяжелое, при томъ же сыновья остались безъ мужского надзора въ такомъ возрастѣ, когда онъ былъ имъ болѣе всего необходимъ. Племянники пріѣхали къ намъ въ 1878 году. Въ это время жизнь въ нашемъ домѣ, наполненномъ больными нравственно и физически, представляла мало различій: не было ни одного молодого существа, кромѣ этихъ двухъ мальчиковъ, привыкшихъ вращаться въ простомъ обществѣ, не разборчивомъ въ своихъ удовольствіяхъ, что было причиной многихъ непріятныхъ столкновеній. Смерть брата настолько сильно поразила мать, что она въ нѣсколько недѣль окончательно ослѣбла. Въ январѣ 1874 г. Н. Д. поѣхала съ нею въ Москву дѣлать операцію, которая была неудачна, и мать 10 лѣтъ про-

жила слѣпая. Нашъ когда-то живой домъ сдѣлался пустыней. Полуслѣпая тетка, оставивъ службу начальницы Дома трудолюбія, переѣхала жить къ намъ и, само собою разумѣется, что 75-ти лѣтняя старуха не внесла съ собою развлечения. Н. Д. было скучно въ оставшейся семьѣ, тѣмъ болѣе, что и любимица ея, Соня, умерла. Все тяготило ее. Невозможно описать цѣлый рядъ этихъ годовъ, прожитыхъ всѣми нами не легко. Въ теченіе ихъ, Н. Д. ѣздила въ Петербургъ, но не надолго. Въ 1881 году она уѣхала осенью, прожила тамъ до весны и возвратилась уже съ г-жею М.

Знакомство сестры моей съ г-жею М., завязавшееся еще въ Рязани, по своему началу никогда не общало сдѣлаться такимъ близкимъ. Г-жа М., оставивъ мужа, жила съ отцомъ—генераломъ, занимавшимъ въ городѣ видное мѣсто, и отзывалась о себѣ, какъ о высокопоставленной особѣ. Живши, точно не могу опредѣлить, пять или шесть лѣтъ въ одномъ городѣ съ моею сестрой, она до смерти своего отца не была въ нашемъ домѣ и шести разъ. Въ то время сестра моя была и здорова, и писала лучшія свои вещи, но тогда ея литературная дѣятельность и успѣхъ не привлекали г-жи М.: ея интересы были совсѣмъ другіе, болѣе мелкіе, свѣтскіе; это подтверждаютъ и теперь многіе въ Рязани, знавшіе ее въ то время. Но когда неожиданная смерть отца г-жи М. измѣнила ея общественное положеніе и сестра моя, по свойственной ей добротѣ и жалостливости, предложила ей свою дружбу, отъ которой, конечно, никто не отказался бы, г-жа М. приняла ее и воспользовалась ею неограниченно.

Съ 1881 по 1884 г. Н. Д. постоянно уѣзжала осенью въ Петербургъ и весной возвращалась съ г-жею М. Эти три мѣсяца, которые онѣ проводили съ нами, не имѣли уже своего прежняго семейнаго характера: у нихъ, т. е. у сестры моей съ ея пріятельницей, были свои петербургскіе интересы, совершенно чуждые намъ. Сравнивая бывалое возвращеніе Н. Д. изъ Петербурга, съ массою интересныхъ разговоровъ и новостей, съ этими, ясно было, что ее окружила другая сфера и что она не жила уже той самостоятельной жизнью, о которой говорилось прежде. Интересуясь ея пребываніемъ въ Петербургѣ, я подробно разспрашивала о немъ заѣзжавшихъ къ ней знакомыхъ изъ Рязани. Оказалось, что роль хозяйки дома, принадлежавшая ей по всѣмъ правамъ, была не ея; старые знакомые, посѣщавшіе ее еще, уже

не находили въ ней того, что было прежде. Говорили, правда, что она бывала и весела, и оживлена, но это веселье и оживленіе навели подчасъ грусть на ея старыхъ друзей—такъ отъ него вѣяло чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ для нихъ. Такъ продолжалось до 1884 года, унесшаго съ собою послѣднюю связь Н. Д. съ роднымъ домомъ. 11-го мая, вернувшись въ Рязань за двѣ недѣли до смерти матери, она, похоронивъ мать и проведя здѣсь лѣто, уѣхала 8-го сентября въ Петербургъ вмѣстѣ съ М. и болѣе не возвращалась.

Смерть матери слагала теперь съ Н. Д. ея обязательный тяжелый трудъ. Въ страшные дни страданій матери, когда еще разъ возбуждался вопросъ объ устройствѣ нашей жизни, я просила сестру предоставить меня моей собственной волѣ и откинуть всякую матеріальную заботу обо мнѣ, продать домъ и не тратиться на него понапрасну. Сестра положительно потребовала, чтобы я оставалась въ немъ и тѣмъ связала она себя еще разъ трудомъ, на который впоследствіи горько жаловалась, такъ какъ силы уже измѣнялись ей. Та «львиная доля», о которой говорить г-нъ С..... въ своей статьѣ, достававшаяся семьѣ, а семья была только я одна, уходила на непроизводительную уплату процентовъ и повинностей по дому: съ 1884 по 1889 г. включительно за него ежегодно вносилось 500 рублей. Домъ заложенъ уже 13 лѣтъ. Сколько же на него ушло изъ заработковъ Н. Д. и сколько, помимо этого, на него затрачивалось и затрачивается, чтобы какъ нибудь сохранить его?

Начиная съ 1884 года, т. е. со времени окончательнаго переѣзда Н. Д. въ Петербургъ, всѣмъ заработкомъ въ «Живописномъ Обзорѣніи», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», всѣми итальянскими и французскими переводами она исключительно пользовалась сама, а также и частью оригинальнаго заработка. О денежномъ сборѣ московскаго общества въ пользу ея, о которомъ говорится въ статьѣ г-на С....., я не знала до послѣдняго ея пріѣзда въ Рязань, т. е. до 1884 года, когда она передала мнѣ эту записную книжку, сказавъ, что въ ней было.

Какое недостное мнѣніе выносить читатель о семьѣ Н. Д., для которой она трудилась всю свою жизнь! Ее не цѣнятъ, не берегутъ! Какъ возмущилась бы честная душа моей покойной сестры, если бы она могла знать то, что сказано о насъ, знавшихъ и любившихъ ее, конечно, уже больше чѣмъ кто либо другой!

Такъ какъ въ статьѣ г-на С.... Н. Д. является существомъ измученнымъ, потому что семья ее эксплуатируетъ, она бьется безвыходно, всѣ живутъ, а у нея нѣтъ даже кровати, то я считаю необходимымъ познакомиться читателя съ обстановкой Н. Д. въ Рязани и съ послѣдними ея годами въ Петербургѣ.

Въ рязанскомъ нашемъ домѣ сестра имѣла двѣ комнаты, въ которыхъ никто не смѣлъ безъ ея позволенія взять положеннаго ею окурка сигары и вообще тронуть что либо съ мѣста. Все стояло такъ, какъ она находила нужнымъ и удобнымъ для себя; врагъ кровати и сундуковъ, она всегда спала на диванѣ у стѣны, противъ которой въ теченіе 25-ти лѣтъ не трогалась съ мѣста кровать покойной сестры С. Д.: она умерла на этой кровати и на нее въ теченіе всего этого времени никому не позволялось ложиться. Посторонніе люди не входили къ ней въ комнату безъ ея позволенія. Всѣ прѣзжавшіе знакомые Н. Д., незнакомые намъ, встрѣчались радушно. Н. Д. была увѣрена, что вниманіе, которымъ она пользовалась, было дорого ея семьѣ, гдѣ ею гордились и много ее любили. Псевдонимъ Крестовскаго давалъ поводъ для нашего семейнаго праздника: ко дню его именинъ, т. е. къ 15-му іюля, готовился ему какой нибудь сюрпризъ и день этотъ былъ торжественный; не только праздновался самъ Крестовскій, чествовались нѣкоторые любимые герои и героини ея романовъ.

Не только при жизни отца, но и послѣ его смерти, когда, бывало, Н. Д. оканчивала какое либо свое произведеніе, то она приносила переписанную тетрадь въ комнату матери, гдѣ она прочитывалась вслухъ. Мать, всегда заготовлявшая для этихъ случаевъ хорошенькую сигарочку Надѣ, ошущью доставала ее изъ своей шифоньерки и угощала Надю, которая усаживалась въ кресло, закуривала сигару и, съ наслажденіемъ отдыхая, слушала свое произведеніе, какъ самый строгій критикъ. Она почти всегда говорила:

— Ахъ! какъ бы я это обругала!.. Сколько здѣсь промаховъ, Богъ мой!.. Вотъ вы ихъ не видите, да я вамъ ихъ и не покажу... доискивайся кто хочетъ.

Всѣхъ сердечныхъ дорогихъ воспоминаній пережитаго нами не перечтешь, да и трогать ихъ и горько, и больно.

Не думаю, чтобы съ 1881 года Н. Д. жилось въ Петербургѣ удобнѣе, чѣмъ въ своемъ собственномъ домѣ. Мнѣ говорили, что квар-

тиры ея были такъ холодны, что долго оставаться въ нихъ было невозможно... Вѣроятно, та кровать, что стояла за кухонною дверью, на которой скончалась Н. Д., была не покойнѣе дивана, на которомъ она спала дома.

Послѣднія пять лѣтъ жизни Н. Д., проведенныя въ Петербургѣ на глазахъ всѣхъ знавшихъ ее прежде, судя по рассказамъ ихъ, можно назвать самыми печальными. Старые друзья съ грустью и со слезами говорятъ о нихъ. Нѣжная дружба г-жи М. не оцѣнила и не сплотила вокругъ Н. Д. тѣхъ, кто четверть вѣка неизмѣнно любилъ и уважалъ ее. Многіе, скрѣпя сердце, вынося оскорбительную холодность пріема, все-таки бывали еще, потому что не могли не видѣть Н. Д. Ихъ сдержанная вѣжливость и холодное равнодушіе, вѣроятно, были не по душѣ г-жѣ М., всегда стремившейся первенствовать, вслѣдствіе чего, относясь къ нимъ недоброжелательно, она перетолковывала многое не въ пользу ихъ и вредила имъ въ глазахъ Н. Д., уже совсѣмъ больной. Весь знакомый литературный кружокъ Н. Д., при полномъ уваженіи къ ней, пересталъ посѣщать ее. Сестра горько жаловалась на это въ своихъ письмахъ ко мнѣ, да и не мнѣ одной, какъ это видно изъ ея письма къ пріятельницѣ, помѣщеннаго въ статьѣ г-на С...., письма, полного отчаянія, какого еще не бывало, — печальное доказательство сердечнаго спокойствія Н. Д., согрѣтаго теплой дружбой! Отвѣчая на ея письмо, я замѣтила ей, что люди, прожившіе столько лѣтъ въ полномъ единогласіи съ ней, цѣнившіе и уважавшіе ее, не могутъ безъ причины оставить ее; говорила, чтобы она обратила вниманіе и взглядылась бы поближе, нѣтъ ли чего, что мѣшаетъ этимъ прежнимъ отношеніямъ. А причина была все та же. Нѣкоторые говорили мнѣ о ней сами, а о другихъ я слышала черезъ людей, которымъ тоже говорилося прямо.

Многіе обвиняли знакомыхъ Н. Д., находя, что причина слишкомъ ничтожна, чтобы ради ее оставлять Н. Д. Но такъ какъ справедливость должна быть для всѣхъ одинакова, то нельзя не сказать, что люди одной профессіи съ Н. Д., занятые и трудящіеся, отрывая свободное время и приходя къ ней, желали бытъ и говорить съ ней, а не спокойно и терпѣливо выслушивать самоувѣренные чужіе толки, и видѣть Н. Д. не тѣмъ, чѣмъ они столько лѣтъ привыкли ее видѣть. Они ушли, все также любя ее, видя, какъ она физически разрушается и теряетъ

всю свою прежнюю энергію, поддаваясь каждому вліянію, ничего общаго съ ней не имѣющему. Мнѣ лично говорилъ г-нъ К., московскій издатель, что, пріѣхавъ въ Петербургъ съ цѣлю предложить Н. Д. переводы Ж.-Занда, онъ уѣхалъ отъ нея отуманенный, не сказавши съ ней почти ни слова, потому что находившаяся тамъ дама перебивала и говорила за Н. Д., употребляя постоянно слово «мы». Упомянутая дама испортила все дѣло: К. уѣхалъ, не предложивши работы.

Внимательство г-жи М. въ литературныя дѣла моей сестры, которая она, за болѣзнію, поручала ей, къ сожалѣнію, много повредило Н. Д. Если бы я лично была свидѣтельницей всего написаннаго въ этихъ строкахъ, то меня могли бы заподозрить въ преувеличеніи, пожалуй даже и въ неправдѣ, но все это сказано со словъ людей, достаточно претерпѣвшихъ изъ-за любви къ Н. Д. и неприятнаго, и несправедливаго. Все изложенное они подтверждаютъ не стѣсняясь.

Очень понятно, при такихъ отношеніяхъ г-жи М. къ старымъ испытаннымъ друзьямъ моей сестры, что мое-то присутствіе было уже немислимо; это и доказывалось тѣмъ, что на желаніе мое пріѣхать повидать сестру, о чемъ я не разъ писала, мнѣ всегда отвѣчали, что въ квартирѣ, занимаемой г-жей М., для меня не было мѣста; а на то, чтобы, пріѣхать и остановиться у знакомыхъ, говорилось, что это будетъ оскорбленіемъ сестры. Наконецъ въ маѣ 1889 г. я положительно написала, что ѣду, и просила только сказать, гдѣ мнѣ найти сестру: въ городѣ или на дачѣ. Письмо мое произвело страшную тревогу, какъ рассказывалъ мнѣ очевидецъ. Сестра моя, которой уже такъ недолго оставалось жить, видя г-жу М. сильно взволнованной и недовольной, говорившей громко и повелительно, тономъ полнѣйшаго безпрекословія, какимъ она почти постоянно выражалась, окончательно потерялась и написала мнѣ: «я вовсе не такъ больна, какъ говорятъ; это все вздоръ. Не ѣзди до зимы; мы теперь въ хлопотахъ, уѣзжаемъ съ квартиры, везутъ меня на дачу—курникъ какой-то (буквальное выраженіе ея письма); говорятъ—есть поле»...

О томъ, что Н. Д. везутъ на дачу, знакомые ея знали, но что это за дача—никто не имѣлъ понятія и какъ перевезли туда ее никто изъ нихъ не видалъ. Мнѣ говорила г-жа Ш...., мать племянника И. И. Заюнчовскаго, студента-медика, что за недѣлю, или болѣе,

можетъ быть, до ея отъѣзда, она съ сыномъ пришла провѣдать Н. Д. Она ихъ обоихъ очень любила: его, маленькаго, чуть ли не носила на рукахъ и вообще была очень дружна съ ними. Они застали ее у окна, едва дышащую и едва держащуюся на ногахъ. Увидавъ ихъ, она очень обрадовалась, оживилась и разговаривалась; нѣсколько разъ удерживала ихъ, чтобы они не уходили, но когда они стали прощаться съ ней, она сказала:

— Николай, милый! Пожалуйста, приходи, проводи меня... меня везутъ... дача эта—моя могила.

Племянникъ успокоивалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. говорила она, — приходи: я буду покойнѣе, когда ты будешь при мнѣ, ты мнѣ поможешь, ты меня сведешь.

Онъ обѣщалъ ей и, уходя, просилъ г-жу М. телеграфировать имъ о днѣ ихъ отъѣзда. Прошло нѣсколько дней. Не получая никакого извѣстія о Н. Д., г-жа Ш., безпокоясь о ней и думая, что она еще въ городѣ, пошла опять съ сыномъ къ ней, но домъ былъ уже пустъ: г-жа М. не извѣстила ихъ. Такъ было и со всѣми.

6-го іюня я получила послѣднее письмо сестры, писанное 3-го числа. Она писала, что больна, и звала меня пріѣхать къ 1-му іюля. Я тотчасъ же отвѣчала, что пріѣду. Видя по почерку, что срокъ мнѣ назначенъ слишкомъ долгій, я хотѣла пріѣхать раньше его. Но 8-го числа была получена телеграмма о смерти сестры на имя доктора Мартынова, бывшаго, къ счастью, на этотъ разъ въ городѣ, который и передалъ ее мнѣ. Г-жа М. на этотъ разъ, вѣроятно, желала деликатно поступить со мною, предупредить, не испугать и... даже похоронить ее безъ меня. Но этого ей уже не удалось сдѣлать.

О томъ, какъ похоронена была Н. Д.,—уже извѣстно. Только наивные провинціалы, печатая пригласительные билеты на панихиду по Н. Д., думали, что въ Петербургѣ смерть ея всѣмъ извѣстна, а на самомъ дѣлѣ о ней даже и въ Петергофѣ не знали. Это—фактъ. Если бѣдность похоронной обстановки вызвала сожалѣнія, то, что бы сказали лица, писавшія о ней, если бы они видѣли комнату, въ которой умерла Н. Д. Нужно думать, что дача занималась съ цѣлью доставить большой чистый воздухъ, удобное помѣщеніе и покой, котораго требовало ея умирающее тѣло, но ничего этого не было. Дача, нанятая за 50 руб. на все лѣто, тогда какъ Н. Д. не прожила на ней и двухъ недѣль, была, дѣйствительно, курникъ, какъ она назвала ее въ своемъ пись-

мѣ ко мнѣ. Въ какомъ-то длинномъ полутемномъ, скорѣе корридорчикѣ, чѣмъ комнатѣ, съ грязными полуоборванными обоями, за кухонной дверью стояла кровать ея, на которой она умерла. Не только больному, задышающемуся человѣку, но и здоровому тамъ нечѣмъ было дышать. Не знаю, видѣла ли она обѣщанное ей поле, но, кажется, что его и видѣть-то было неоткуда. Взявши на себя исключительно попеченіе о больной, не допуская къ ней ни родныхъ, ни знакомыхъ, г-жа М. должна была бы отнестись къ Н. Д. внимательнѣе, человѣчнѣе.

Дача, нанятая на все лѣто, послужила мѣстомъ отдохновенія только одной г-жѣ М. Взятая за ту же цѣну, чистая, просторная изба съ окнами въ поле, которое сестра моя такъ любила (такія избы были: я сама была въ одной), дала бы ей, по крайней мѣрѣ, возможность и дышать свободнѣе, да и полюбоваться въ послѣдніе дни своей жизни не одной только стѣной большого дома владѣльца дачи и жалкимъ деревцомъ передъ ея окномъ съ не менѣе жалкимъ палисадникомъ. Изъ-за такого удобства не стоило, право, ломать костей умирающаго человѣка, тѣмъ болѣе, что городская квартира сдана не была и оставалась за г-жею М.

Когда, похоронивъ сестру и на другой день приѣхавъ къ ней на могилу, я пришла опять поклониться тому углу, въ которомъ она скончалась, я спросила г-жу М. какая у нея была цѣль разъединить насъ съ сестрой и не допустить меня быть хотя при послѣднихъ ея минутахъ, тогда какъ я хотѣла приѣхать еще въ маѣ, чтобы хотя немного пожить съ нею, то получила отъ нея отвѣтъ, замѣчательный во всякое время, а тѣмъ болѣе въ такое—негдѣ было меня помѣстить.

Родной сестрѣ не было мѣста у постели умирающей! Я была помѣхой во всякое время. Конечно, находишь я подлѣ нея, не было бы того, что случилось. Я бы взяла себѣ, по праву, все, чѣмъ безнаказанно завладѣла г-жа М. Последнее произведеніе сестры, черновую тетрадь, которую я держала въ рукахъ и которую еще не считала себя въ правѣ брать, потому что законной наследницей послѣ сестры была не я, а мои племянники, впоследствии отказавшіеся отъ этого наследства въ мою пользу,—такъ это произведеніе такъ и осталось въ рукахъ

г-жи М. Не смотря на всѣ мои просьбы и хлопоты постороннихъ людей, г-жа М. не возвратила мнѣ этой тетради, отговариваясь тѣмъ, что затеряла ее, когда была обязана оберегать чужую собственность, тѣмъ болѣе такую, которая должна сдѣлаться достояніемъ всего общества.

Вся бібліотека сестры, пріобрѣтенная въ Петербургѣ, всѣ книги, вывезенныя изъ Рязани, остались въ рукахъ г-жи М., равно какъ и портретъ покойной сестры С. Д., которую г-жа М. даже не знала, и главнымъ образомъ—ея произведенія.

Сочиненія сестры С. Д., напечатанныя въ разныхъ журналахъ и неизданныя отдѣльно, были выбраны изъ книгъ и переплетены въ два тома, съ ея портретами. Это была драгоценность, съ которою Н. Д. не разставалась никогда и, уѣзжая изъ Рязани, взяла ее съ собою. Она многимъ давала ихъ читать, слѣдовательно ясно, что они были въ числѣ ея книгъ. Требуя ихъ не разъ отъ г-жи М., я получала въ отвѣтъ, что она не знаетъ, гдѣ эти книги; послѣднее же ея показаніе превзошло всякія ожиданія: она сказала, что сестра Н. Д. за два дня до своей смерти сожгла эти два тома.

Могло ли это быть, когда въ Петергофѣ, куда перевезли Н. Д., у нея, кромѣ ея стараго платья, считая на трудовыя деньги пріятельницы ея Л....., въ которомъ ее и похоронили,—ровно ничего не было? Все оставалось въ Петербургѣ. Какъ въ Петергофѣ, такъ и въ Петербургѣ имущество Н. Д. не было описано. Все сдѣлалось домашнимъ порядкомъ. Не знаю, какими гражданскими и нравственными законами мотивировала г-жа М. свои поступки.

Впрочемъ, нашелся человѣкъ сказать, что у г-жи М. все это будетъ сохраннѣе... Это могъ сказать только тотъ, кто вѣритъ ей на-слово...

Если г-жа М. забыла, что я говорила ей въ ноябрѣ 1888 года, когда она, неизвѣстно зачѣмъ, приѣзжала на сутки въ Рязань, то я ей напомню:

«Овладевъ моей сестрой, вы взяли на себя слишкомъ большую отвѣтственность, за которую отвѣтите не мнѣ одной... Я же никогда не прощу вамъ всего зла, которое вы внесли въ нашу жизнь... Придетъ время, и васъ узнаютъ!»

Время сказать правду настало!